

«Я готов поверить, что каждый из нас имеет своего ангела-хранителя, но в таком случае и вы должны согласиться со мной — к каждому из нас приставлен черт».

Джозеф Конрад. «Лорд Джим»

«Запад есть Запад, Восток есть Восток,
и с места они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей
на страшный господень суд.
Но нет Востока и Запада нет, что племя,
родина, род,
Если сильный с сильным, лицом к лицу,
у края земли встает».

*Редьярд Киплинг.
«Баллада о Западе и Востоке»*

Глава первая

Иногда возвращаешься в свой родной город и с некоторым удивлением замечаешь перемены, которые в нем произошли. И если эти перемены украшают твой город, то ты невольно испытываешь радость и удовлетворение от осознания возникающей красоты и в то же время чувство некоторой ностальгии из-за утраченной старой атмосферы города, из-за того, что изменились его улицы, кварталы, площади, которые уже невозможно узнать.

Дронго прошел в парк, находившийся перед зданием музея литературы. В далеком детстве он часто играл в этом парке. Тогда вокруг парка росли ветвистые деревья, красивым полукругом окружавшие стоявший в самом центре парка памятник великому поэту Низами Гянджеви.

Памятник по-прежнему находился на том же месте, а вот густой листвы уже не было. И теперь вокруг памятника полукругом возвышались редкие деревья, которые изрядно портили общее впечатление о памятнике и прилегающей к нему территории.

Дронго сидел на скамье, когда увидел подхлывшую молодую женщину, одетую в серое полупальто. Он пригляделся. Кажется, он никогда раньше ее не встречал. На вид ей около тридцати, чуть выше среднего роста. Темные волосы, одутловатое с крупными чертами лицо, глаза немного навывкат. Кого-то она ему напоминала или это ему только кажется?

Женщина явно направлялась к нему. Она подошла ближе, и Дронго привычно поднялся, когда она к нему обратилась.

— Извините, что я вас беспокою. Вы ведь тот самый эксперт с таким необычным именем Дронго?

— Меня так называют, — подтвердил он.

— Даже если бы я вас не узнала, то могла бы догадаться, — улыбнулась незнакомка. — Во-первых, у вас запоминающаяся внешность. Во-вторых, высокий рост. А в-третьих, манера вставать при разговоре с незнакомыми женщинами.

— В Баку уже не встают при разговоре с женщинами? — удивился Дронго. — Значит, в этом

городе что-то изменилось гораздо больше, чем я предполагал.

— Не все и не всегда, — усмехнулась женщина.

— Жаль, — поморщился он. — Исчезают хорошие традиции. Кажется, мы никогда раньше с вами не виделись?

— Нет, не виделись. Но я знаю, что вы часто приходите в этот парк, когда бываете в городе. Я обратила на вас внимание, еще когда вы спускались к парку от здания Баксовета.

— Странно, что я вас не заметил.

— Я была на другой стороне улицы. Просто увидела вас издалека. Я же говорю, что вас сложно не заметить.

— Все равно я должен был обратить внимание на человека, который так пристально на меня смотрит. Похоже, теряю квалификацию, — с притворной грустью заметил Дронго. — И вы меня сразу узнали?

— Разве вас можно с кем-то спутать? Я же говорю, с вашим ростом, разворотом плеч и такой запоминающейся внешностью.

— Надеюсь, что это комплимент.

— Конечно, — улыбнулась она.

— Как вас зовут?

— Наиля. Извините, что не представилась. Наиля Керимова.

— Садитесь, — предложил Дронго. И дождавшись, когда она сядет, уселся рядом. — Значит,

вы знали, что я часто бываю в этом парке, — уточнил он.

— Конечно, знала. За нашей спиной здание «Монолита». Это здание всегда так называли. А в нем жили мои родители, которые рассказывали мне, что в детстве вы часто играли в этом парке. Во всяком случае, с младшей сестрой моего отца.

— Как звали сестру отца?

— Рафига Керимова. Она сейчас главный врач четвертой больницы. Может быть, вы ее помните.

— Конечно, помню. А ваш отец? Он был, кажется, намного старше сестры?

— На восемь лет. Самед Керимов.

— Теперь я понял, на кого вы похожи. На своего отца и немного на свою тетю.

— Все так говорят, — улыбнулась Наиля.

— Да, я его хорошо помню. Он жив?

— Нет. Умер в прошлом году. Обширный инфаркт. У него всегда было больное сердце. Мой дед тоже умер из-за инфаркта и в относительно молодом возрасте.

— Примите мои соболезнования. Ваш отец был хорошим человеком.

— Я знаю. Он часто вспоминал про вас. Рассказывал разные смешные истории. Он частенько забирал младшую сестру из детского сада. Восемь лет в детстве большая разница. И он

помнил вас еще по детскому саду, который находится чуть выше «Монолита». Сейчас в вашем бывшем детском саду иранское посольство.

— Верно, — усмехнулся Дронго.

— Моя тетя тоже часто вас вспоминала.

— Жаль, что мы так мало общались в последние годы, — пробормотал Дронго. — Иногда даже не замечаешь, как летят годы. Хотя наши годы с вами совсем не равны.

— В смысле насыщенности событий? — невесело уточнила Наиля.

— Нет. В смысле относительности возрастов. Мой год пролетает примерно в два раза быстрее, чем ваш. Мой только один из пятидесяти, тогда как ваш год один из тридцати. Поэтому в детстве время тянется так долго. Когда один год из десяти или пятнадцати. А в старости ваш год один из семидесяти или восьмидесяти. И он, конечно, гораздо короче детского. Все относительно...

— Интересно. Никогда об этом не думала.

— А вы подумайте. Сколько вам лет? Около тридцати? Самый лучший возраст для подобных размышлений. Хотя на самом деле мы начинаем задумываться об этом после пятидесяти.

Женщина промолчала. Было забавно то, что он говорил, но не очень интересно. Сказывался другой возраст. Даже в тридцать не так часто задумываешься о жизни, как в пятьдесят.

— Теперь расскажите, почему вы подошли ко мне и почему обратили внимание на меня, когда я спускался вниз к парку.

— Мне нужно с вами переговорить, — призналась Наиля. — И я хотела с вами встретиться. Даже искала номер вашего телефона в записных книжках отца. Потом попыталась узнать номер вашего телефона у тети, и она мне его дала, но я не смогла до вас дозвониться. Вы не отвечали на мои звонки.

— Все правильно. Я не отвечаю на незнакомые телефонные звонки.

— Я так и подумала. А два дня назад я случайно узнала, что вы будете в городе на свадьбе своего родственника. Она ведь состоится завтра. Я тоже приглашена туда вместе с мужем и решила встретиться с вами на свадьбе. Но сегодняшняя встреча была абсолютно случайной. Просто я обратила внимание на вас, когда поднималась по улице. А вы как раз спускались.

— Такая случайная встреча.

— Я даже не поверила своим глазам. Видимо, иногда такие совпадения случаются.

— И по какому вопросу вы хотели меня увидеть?

— Я думала, вы сможете нам помочь.

— В каком смысле?

— Сейчас объясню. Несколько месяцев назад погибла наша подруга Самира. Мы, несколь-

ко человек, все вместе учились в университете в одной группе. Мы уже успели отметить сорок дней со дня ее смерти. Еще полтора месяца назад. Поминки были в Баку. В общем, все как предполагается. Она погибла так глупо. Обидно, совсем молодая женщина. Сорвалась со скалы. Разбилась насмерть. Ужасная трагедия. Все страшно переживали.

— Представляю. Если она с вами училась, значит, была примерно одного возраста с вами.

— Вот именно. И мы все очень переживали, — повторила она.

— А потом появились какие-то обстоятельства, о которых вы раньше не знали, — закончил за свою собеседницу Дронго, — и вы решили срочно меня найти.

— Откуда вы знаете? Вам уже кто-то звонил?

— Догадался. Иначе вы бы не вернулись обратно за мной в парк. Ведь завтра мы с вами все равно могли увидеться на свадьбе. Хотя на наших свадьбах сложно найти нужного человека, учитывая количество приглашенных. Но вы решили поговорить со мной без свидетелей.

— Правильно. В общем, когда в мечети «Таза пир» отмечали сороковой день, одна наша подруга стала шепотом рассказывать, что на самом деле Самира не упала, а ее столкнули со скалы. И даже есть свидетель, который это видел. Представляете, какой ужас. Мы все были в таком со-

стоянии, даже не знали, как себя вести и к кому обращаться. Потом попросили мужа одной из наших девочек негласно проверить обстоятельства гибели Самиры. Он работает в прокуратуре республики заместителем начальника управления. Но он так нам ничего и не сказал.

Дронго слушал не перебивая.

— И тогда моя тетьа вспомнила про вас, — продолжила Наиля. — Сказала, что только такой эксперт, как вы, сможет разобраться в причине смерти нашей подруги.

— У Самиры была своя семья?

— Да, конечно. Детей не было, но муж был. Он ее очень любил. Отец, мать, брат, две сестры, свекор, свекровь, две золовки. В общем, большая семья, и все были в шоке. А теперь еще выяснилось, что она упала не случайно, а ее намеренно кто-то толкнул. Такое дикое преступление...

— Она не могла упасть сама?

— Не думаю. Они с мужем вообще спортивные люди. Поднимались в горы, занимались горнолыжным спортом, ходили в походы. Поэтому и странно, что она свалилась. Она была физически подготовленным человеком. И вот такое нелепое падение, когда они были в горах.

— Они жили в районе?

— Нет, в городе. Самира из довольно известной семьи. Ее отец Бахрам Мурадбеков долгие годы работал начальником Главного управления

в Министерстве экономики. А его брат Маир Мурадбеков, ее дядя, был даже министром сельского хозяйства. И свекор — Микаил Хаквердиев, уважаемый и известный человек, раньше работал руководителем одного из районов Гянджи, а сейчас глава исполнительной власти в соседнем районе, в Исмаиллах. В общем, все солидные люди...

— Которые не могут разобраться со смертью своей родственницы, — подвел неутешительный итог разговора Дронго.

— Получается так, — печально согласилась Наиля. — И мы подумали, что такой известный сыщик, как вы, мог бы нам помочь.

— Вы считаете, что у меня так много времени?

— Не знаю, — растерялась Наиля. — Но все говорят, что вы известный специалист. И моя тетя сказала, что вам, наверно, будет интересно расследовать это странное преступление. Она рассказывала, что вы и в детстве были очень внимательным и наблюдательным мальчиком. Говорила, что, пока другие гоняли мяч или играли в казаки-разбойники, вы сидели с книгами. А если играли, то вас всегда выбирали атаманом, так как вы были по своей натуре настоящим лидером. А еще умели придумывать разные хитроумные комбинации.

— Ваша тетя просто ко мне хорошо относилась, — пробормотал Дронго, улыбнувшись. —

Признаться, я планировал остаться здесь на целую неделю. Так что время у меня есть. Может быть, действительно стоит проверить, почему упала со скалы ваша подруга. Где это произошло?

— В районе. В Габале. Там, где жили родители ее мужа.

— Хорошие места, — заметил Дронго. — Прекрасное место для отдыха. И там есть горы и скалы, с которых можно сорваться. Я там бывал несколько раз. Семья мужа Самире из Габалы?

— Нет. Но у них там большой дом, где они живут и отдыхают. Переехали туда, когда Микаилбей, ее свекор, получил назначение в Исмаиллы. Это район рядом с Габалой...

— Вы так подробно рассказываете, как будто я приехал из другой страны и вообще ничего не знаю. Конечно, мне известно, где находятся Исмаиллы. Особенно хорошо там бывает летом, когда вокруг зелень. Там еще есть удивительное высокогорное место — Лагидж, в котором я тоже был, хотя очень немногие туда поднимались. Там изготавливают удивительное оружие, а мастера по чеканке передают секреты своего мастерства следующим поколениям. В общем, здесь все понятно. А кем работал муж вашей подруги?

— Этибар? В Министерстве экологии. Заместителем начальника отдела. А сама Самира была филологом, как и я, но работала в нашем

педагогическом институте вместе с моей родственницей.

— Давно Самира и Этибар были женаты?

— Уже лет семь. Может быть, немного больше. Они были такой чудесной парой.

— И в Габалу они приезжали к родственникам мужа?

— Да, на выходные.

— Вы не допускаете мысль, что ее падение может быть обычным несчастным случаем? Ведь такое количество известных родственников, включая ее мужа, просто не позволило бы замять историю с ее убийством, если таковое действительно имело место.

— Я тоже об этом думала. Но вы ведь знаете наши нравы. Никому не позволено обсуждать семейные тайны и влезать в чужие дела. И вообще, в каждой семье есть свои «скелеты в шкафу». Об этом упоминается в любом хорошем детективе.

— Вы много читали подобной литературы? — усмехнулся Дронго. — Вам не кажется, что в жизни все бывает немного иначе, чем в книгах.

— Может быть, — согласилась молодая женщина. — Но именно поэтому так важно проверить обстоятельства гибели Самиры.

Дронго посмотрел на памятник, который видел сотни раз в детстве, оглядел изменившийся парк, взглянул на свою собеседницу. В конце концов, он может съездить в Габалу. Говорят, что

город невероятно изменился за последние годы. Будет даже интересно побывать там.

— Хорошо, — согласился Дронго. — Я поеду и попробую узнать, что там случилось. Но учтите, что мне нужно получить согласие семьи погибшей на расследование обстоятельств смерти Самиры. Иначе мои действия будут выглядеть как вмешательство в чужую семью. И если семья не позволит, я никуда не поеду. Все-таки нужно уважать местные традиции.

— Разумеется, — согласилась Наиля. — Сначала нужно будет получить согласие ее мужа и ее отца. Хотя они не против. Ее отец даже собирался найти вас и попросить о помощи. Он говорил об этом в присутствии наших родственников. Если разрешите, я передам номер вашего телефона ее отцу.

— И я должен поверить, что вы меня случайно увидели? — иронично осведомился Дронго на прощание.

— Абсолютно случайно, — подтвердила Наиля. — Хотя на самом деле я вас, конечно, искала.

Он кивнул, соглашаясь с ней. И даже не подозревая, что это расследование станет одним из самых запоминающихся в его жизни.

Глава вторая

Восточные свадьбы имеют свой особый ритуал и свои традиции, которые соблюдаются на протяжении многих лет. И отличаются своей многолюдностью, так как считается нормальным приглашать на подобное торжество несколько сотен родственников и друзей. Для таких пышных застолий выстраиваются настоящие дворцы, которые вмещают несколько сотен гостей. И кухни строят соответствующие. На них могут одновременно готовить невероятное количество еды для всех присутствующих. Блюда сменяются одно за другим, и никого не удивляет, если на столах в течение вечера сменяются до семи-восьми горячих блюд, приготовленных из курицы, рыбы, говядины и,

конечно же, баранины, из которой готовится не менее половины всех поданных угощений.

На бакинских свадьбах обычно не бывает свинины, даже в том случае, когда молодые — православные христиане или католики. Понятно, что мусульмане и иудеи обычно не употребляют в пищу свинину, и ее отсутствие на столах связано не столько с религиозными факторами, сколько с традициями, ибо большинство гостей не едят свинину. Очевидно, запреты имеют под собой и практическую пользу, так как приготовить и сохранить блюда из свинины на пятьсот-шестьсот человек в летние месяцы сложно. Подобные запреты существовали в жарких странах, позволяя избегать эпидемий из-за употребления скоропортящегося свиного мяса, которое невозможно было сохранить в условиях сорокаградусной жары.

Дронго сидел за столом, наблюдая за сменой блюд. Разумеется, спиртное подавалось в неограниченных количествах, но на Кавказе считается неприличным напиваться до бесчувствия, так как это выдает мужскую несостоятельность индивида, который не может себя проконтролировать и тем самым позорит своих родных и близких.

Во время свадьбы разрешается выходить и входить в большой зал, пользуясь тем, что проконтролировать перемещение нескольких сот человек практически невозможно. Дронго поднялся и вышел в просторный холл. Обычно

мужчины выходили в холл покурить, но после принятия строгих законов, запрещавших употребление табачных изделий в помещениях, приходилось выходить на улицу. Женщины же курили в туалетах. Несмотря на относительную свободу и развитие светского государства, женщины не рисковали дымить сигаретами в присутствии посторонних мужчин даже на улице.

Дронго наблюдал за перемещениями гостей. Мужчины спешили на улицу, некоторые женщины — в туалетную комнату.

Он с интересом рассматривал помпезно-вызывающую архитектуру этого своеобразного дворца, в котором одновременно в двух залах могло разместиться более полутора тысяч человек. Огромные люстры в сотни свечей, сделанные на заказ, аляповатые потолки, большие зеркала, лепнина — было такое ощущение, будто здесь работали самые эклектичные архитекторы города, которые позволили себе подобное нагромождение стилей.

— Извините, — услышал он за спиной голос и обернулся.

Перед ним стояла молодая женщина лет тридцати пяти. Среднего роста, шатенка, с красиво уложенными волосами. Скуластое лицо, большие запоминающиеся глаза, нос с симпатичной горбинкой. Над губой была небольшая родинка, придававшая незнакомке особый шарм.

Она была в платье изумрудного цвета. Женщина улыбнулась.

— Вы тот самый известный эксперт, о котором так много говорят? — спросила она.

— Не знаю, насколько много и какой я известный, — ответил он.

— Вас сложно с кем-то спутать, — пояснила женщина. — Вы ведь Дронго? Так, кажется, вас называют.

— Меня обычно так и называют, — подтвердил он.

— Очень приятно, — она протянула руку. — А я Эльвира. Давно хотела с вами познакомиться. Мне сказали, что вы будете на свадьбе, и я искала вас среди гостей. Но здесь так много людей, что отыскать вас за одним из многочисленных столиков практически невозможно.

— Но вы сумели меня отыскать.

— Когда вы вышли в холл, — пояснила Эльвира. — С вашим ростом вас сложно не заметить. К тому же у вас очень запоминающаяся внешность.

— Для эксперта-детектива это не лучший комплимент, — заметил Дронго. — Причем я слышу подобный комплимент уже во второй раз, что меня не очень радует.

— Наверно, — еще раз улыбнулась женщина. — Но зато интересно. Можно вычислить нашего знаменитого земляка, о котором так много

говорят в Европе. Я даже читала, что вы можете по внешнему виду определять характер человека, его наклонности и привычки.

— Это умел делать Шерлок Холмс. Да и то только в книгах и фильмах, — меланхолично заметил Дронго. — А я обычный человек. Возможно, не самый скромный, но просто нормальный.

— И все рассказы о ваших расследованиях всего лишь выдумки журналистов? — не поверила Эльвира.

— Во всяком случае, в них много различных преувеличений, — признался Дронго. — Но людям нравятся красивые сказки и увлекательные истории. Поэтому они с удовольствием читают различные истории про сыщиков, среди которых они отмечают и своего земляка, как вы изволили заметить.

— Не совсем, — возразила Эльвира. — Я работаю в нескольких местах: в педагогическом институте и в международном информационном центре. И часто бываю в Казахстане и на Украине. Вы даже не можете себе представить, какой популярностью вы там пользуетесь. Про вас рассказывают удивительные истории.

— Я же говорю, что людям нравятся сказки, — напомнил он.

— И все ваши расследования тоже выдумки журналистов? — не унималась Эльвира.

— Нет, — сказал Дронго. — Иногда мне удалось вычислить преступника или помочь в его задержании.

— Спасибо, что признались, — рассмеялась женщина. — Мне всегда хотелось с вами познакомиться. Очень интересно узнать, как именно вы разговариваете, как общаетесь, даже как мыслите. Ваши привычки и ваши пристрастия.

— Не знал, что кому-то интересны мои пристрастия, — признался Дронго. — Неужели вам действительно это интересно?

— Ужасно. Я собираюсь написать книгу о наших известных земляках. И вы будете одним из моих персонажей.

— Получится?

— Надеюсь. Я все-таки филолог.

— Не уверен, что смогу вспомнить какие-то интересные истории.

— У вас все истории могут быть интересными. Я слышала, что вы хотите провести расследование смерти Самиры Хаквердиевой.

— Это уже интересно, — несколько удивленно произнес Дронго. — Значит, вы знакомы с Наилей Керимовой?

— Я же говорила, что вы известный эксперт. Как вы смогли догадаться? Мы ведь совсем не похожи.

— Она больше похожа на своего отца и свою тетю, — вспомнил Дронго.

— Тогда как вы догадались? Она вам сказала, что мы здесь встретимся? Нет, этого тоже не может быть. Ведь я узнала о том, что вы будете на свадьбе, только сегодня днем. Как вы узнали, что мы с Наилей двоюродные сестры?

— Я не знал. Просто сопоставил некоторые факты, — пояснил Дронго.

— Интересно. Каким образом?

— Все очень просто. Я только вчера с ней разговаривал, и она сообщила мне о случившемся несчастье с ее подругой. Очень просила помочь с расследованием. А теперь вы говорите, что я буду проводить расследование, хотя я до сих пор не получил согласия родственников погибшей на изучение обстоятельств ее гибели. Но вы уже знаете обо всем. Отсюда вывод — вы могли узнать об этом только у госпожи Керимовой. Тем более что она сказала мне, что ее погибшая однокурсница работает с ее родственницей. А вы работаете в педагогическом институте и в информационном центре. Все совпало. А то, что она ваша сестра, я, конечно, не знал. Об этом вы сами мне сообщили. Но догадаться, что она рассказала вам о нашей беседе, было совсем не сложно. Кроме нее, никто не знал о нашем разговоре. Поэтому никакой дедуктивный метод я не применял.

— Так просто, — улыбнулась Эльвира. — Тогда понятно. Кстати, отец погибшей Самиры хотел с вами встретиться. Наверно, завтра он вам

позвонит. Если, конечно, вы захотите с ним встретиться или ответить на телефонный звонок. Наилия сказала, что вы не отвечаете на телефонные звонки с незнакомых номеров. Но он вам сначала напишет, а потом позвонит, если вы захотите ответить.

— Когда меня об этом просят сразу две очаровательные дамы, то придется согласиться, — кивнул Дронго. — Только с непременным условием, что вы никогда и ничего не будете писать. Ненужная реклама мне ни к чему. У меня другая профессия.

— Это я понимаю, — кивнула Эльвира. — Между прочим, у нас в городе есть клуб, где тоже не нужна реклама. — Она почему-то усмехнулась и сказала: — Кстати, я слышала, что у вас было расследование на Мадейре, где вы играли во французский покер.

— Я же говорю, что известность вредит сыщикам, — вздохнул Дронго. — И тем более когда узнают подробности различных расследований.

— А насчет Мадейры правда? — не успокаивалась Эльвира.

— Неужели это так интересно?

— Вы даже не представляете как, — загадочно ответила молодая женщина.

— Честно говоря, я не совсем понимаю, — удивленно произнес Дронго, — при чем тут мое расследование на Мадейре.

— Вы ведь играли там во французский покер, — снова загадочно произнесла Эльвира.

— Кажется, играл, — нахмурился Дронго, не совсем понимая, почему ее интересует именно эта игра.

— Очень забавно, — улыбнулась женщина. — Впервые встречаю мужчину, который признаётся в таком постыдном занятии.

— Почему постыдном? — Теперь уже ему стало весело. — Насколько я знаю, в этой игре нет ничего постыдного. И многие в нее играют.

— Это в других странах, — напомнила Эльвира. — Для подобной игры нужны соответствующая атмосфера свободы и совсем другие нравы. К моему большому сожалению. У нас часто не понимают пристрастия к подобной игре.

— Возможно. Хотя в нее играют по всему миру. Я даже помню скандал с принцем Гарри, внуком нынешней королевы Елизаветы, который играл в подобную игру, кажется, где-то в Аргентине. И его сфотографировали без одежды.

— Никогда об этом не слышала. И чем все это закончилось?

— Сразу несколько тысяч британцев решили его поддержать. Ведь фотографии сделал кто-то из его знакомых, а это было подлостью. И тогда тысячи людей в знак поддержки принца снялись раздетыми и выставили свои фотографии на различных сайтах.

— Я же говорю, что за границей существуют другие нравы и другая атмосфера, — радостно улыбнулась Эльвира. — Но мы живем совсем в ином государстве и в иной обстановке.

— Простите меня, но я не совсем понимаю, что именно вас беспокоит. Конфуз принца Гарри, моя игра на Мадейре или вообще принятая практика подобных развлечений в западных странах. Кстати, не только в западных. Я слышал, что во французский покер играют в Японии, Китае, Сингапуре, Индии и даже в Грузии.

— Мы сами прекрасно знаем, что у нас совсем другие нравы, — согласилась Эльвира.

— И почему вас так интересует именно эта игра?

— Дело в том, что мы создали подобный клуб в нашем городе, — понизив голос, таинственно сообщила Эльвира и оглянулась по сторонам.

— Я вас не понял. — Дронго сложно было изумить, но у нее получилось.

— Мы создали клуб, где играем во французский покер на раздевание, — пояснила молодая женщина. — Но у нас катастрофически не хватает мужчин.

— Эта большая проблема, — сдерживая смех, согласился Дронго. — Кажется, даже мировая.

— Не нужно смеяться, — строгим тоном попросила Эльвира, еще раз оглянувшись по сторонам. — Мы действительно создали такой клуб, в который входит много женщин.

— На здоровье, — кивнул Дронго. — Только не совсем понимаю, какой интерес играть на раздевание, если в клубе только одни женщины. Помоему, можно просто сходить в сауну.

— В этом и вся проблема, — оживилась Эльвира. — Вы умный человек и сразу поняли, что к чему. Конечно, глупо собираться одним женщинам и играть в такую игру. Да еще и в нашем городе. Но где найти порядочных, выдержанных и нормальных мужчин? Это ведь огромная проблема. Не так просто пригласить в клуб кого-то из представителей нашего сильного пола. Практически невозможно. Понимаете почему?

— Примерно понимаю, — Дронго теперь уже широко улыбался.

— Ну да, конечно. Представьте кавказского мужчину, который проигрывает и раздевается. Или когда проигрывает кто-то из играющих с ним женщин. Где гарантии, что он будет вести себя прилично? Да еще не станет рассказывать о нашей игре всем своим друзьям? Ведь мужчины любят рассказывать о своих похождениях. А в условиях нашего южного города пригласить мужчину в клуб, где столько известных женщин, в том числе и замужних, означает просто гарантировать себе вселенский скандал. Вы меня понимаете?

— Уже гораздо лучше. И как вы выходите из положения? Переодеваете ваших подруг в мужчин? — пошутил Дронго.

— Вам легко острить, — вздохнула Эльвира. — Я же рассказываю вам не для того, чтобы вас повеселить. Просто мы подумали, что именно такого мужчину, как вы, мы могли бы пригласить в наш клуб на игру.

— Польщен, — кивнул Дронго. — И как долго функционирует ваш клуб?

— Около пяти лет...

— И за это время я первый мужчина, которого вы собираетесь пригласить?

— Конечно, нет, — даже немного обиделась на предположение Дронго Эльвира. — Вы ведь сами сказали, что иначе игра теряет всякий смысл. У нас в клубе играют обычно пять-шесть женщин и двое-трое мужчин. Чтобы обеспечить относительное равенство.

— И где вы берете «недостающий материал»? — Ему было действительно смешно.

— Как-то выходим из положения, — притворно вздохнула Эльвира. — Приглашаем иностранцев, сотрудников различных зарубежных компаний или посольств, наших актеров, художников, всякую богему. Обычно женатых или известных людей, которые не будут молоть языком. Но «материала», как вы выразились, очень мало. Катастрофически не хватает мужчин... — Она не выдержала и громко рассмеялась. Проходившая мимо пара удивленно взглянула на них.

Дронго рассмеялся следом.

— И теперь мы хотим пригласить именно вас, — закончила свою мысль Эльвира.

— Ну да, понятно. Я, кажется, соответствую всем вашим критериям. Женатый, известный, неболтливый и уже играющий в этот чертов покер. Ничего не перепутал? Просто идеальный кандидат?

— Вы прекрасно меня поняли, — кивнула Эльвира. — Даже обидно, что раньше мы вас не приглашали в клуб. Я ведь недавно узнала про ваше расследование на Мадейре. Говорят, что вы искали там какую-то известную куклу. Это была настоящая кукла или так журналисты называли какую-то даму?

— Это была уникальная кукла, — вспомнил Дронго.

— Об этом написали португальские газеты, а потом перевели английские. И кто-то из наших прочел.

— Я пытался раскрыть преступление, — возразил Дронго. — Но я хочу вам напомнить, что здесь не Мадейра. И дело не в погоде. Там многие купаются в море, загорают на пляжах топлес. И подобное считается нормальным, что совсем недопустимо на местных апшеронских пляжах. Или вы этого не знали?

— Еще скажите, что нам нужно купаться в мусульманских купальных костюмах «буркини», —

также весело возразила Эльвира. — Но если вы боитесь...

— Ужасно боюсь, — пробормотал он. — И даже не представляю, как можно согласиться на подобные «эксперименты» в нашем южном городе. Это вам не Марбелья и не Ницца. Легко могут убить. Вы действительно не понимаете, насколько опасно приглашать людей на подобную игру?

— Я и не думала, что вас так легко напугать.

— Это уже вызов, — весело отреагировал Дронго. — Но я обещаю подумать.

— Подумайте. Может быть, согласитесь. Где мы еще найдем такого идеального кандидата для игры в покер? Ой, кажется, там меня ищут. Я должна идти. Так вы согласны?

— Расследовать причину смерти подружки вашей сестры или играть с вами во французский покер?

— И то, и другое, — не тушуясь, заявила молодая женщина. — Извините, я уже должна вернуться к своим друзьям. Мы договорились?

— Не понимаю... — начал было говорить Дронго, но Эльвира поспешила в зал, помахав ему на прощание ладонью.

Дронго покачал головой. Кажется, цивилизация развивается гораздо быстрее, чем мы думаем. Он помнил, как еще в конце семидесятых в Баку смеялись над поступавшими в продажу прибал-

тийскими газетами, где печатались откровенные сообщения о поисках друга или подруги. Тогда казалось, что подобное будет немислимо в южных республиках. Но прошло только тридцать лет, и все кардинально изменилось. Хотя почему только на Кавказе? В католической Испании, где еще в девятнадцатом веке сжигали еретиков, уже в двадцать первом были разрешены однополые браки. Сложно было предсказать, чем обернется подобная унификация и стандартизация, а также как изменятся моральные нормы. Дронго вспомнил о давней статье в московской «Литературной газете», рассказывающей о том, как группа советских туристов, посетившая в Германии сауну, увидела раздетую женщину, и один из туристов с дикими криками «Вася, это провокация» бросился вон из сауны. Даже в двадцать первом веке совместные немецкие и скандинавские сауны казались чем-то предосудительным и почти немислимым в бывших советских республиках, за исключением прибалтийских стран, где всегда были более свободные нравы.

Дронго отправился в зал. Он был почти уверен, что этот шуточный разговор не будет иметь продолжения. Но про расследование он помнил, сознавая, что в подобных вопросах шуток не бывает. И уже утром следующего дня на мобильник поступило сообщение, после которого раздался телефонный звонок.

Глава третья

В сообщении было только два предложения. «Можно Вам позвонить? Это Бахрам Мурадбеков». После чего через минуту раздался телефонный звонок. Дронго сразу ответил.

— Салам алейкум, — услышал он приглушенный голос. С вами говорит Бахрам Мурадбеков. Мне передала ваш номер телефона дочь Самеда Керимова, — сообщил позвонивший. Он назвал ее не по имени, а по имени ее отца. Было понятно, что это человек придерживается старых традиций.

— Да, я в курсе. Она меня предупредила, — ответил Дронго.

— Как мне к вам обращаться? Господин эксперт? Или по имени-отчеству? Говорят, что вам нравится, когда вас называют каким-то

странным, необычным для нашей страны именем.

— Можете называть меня Дронго. Я привык к этому прозвищу.

— Да, я слышал это странное прозвище. Мы хотим попросить вашей помощи. Наша семья. Я уже давно искал ваш номер телефона.

— Понимаю. Я слышал о вашем горе. Примите мои соболезнования.

На азербайджанском языке это звучало как «пусть упокоится с миром». И Мурадбеков традиционно ответил «да упокоятся с миром и все ваши близкие».

А затем он добавил:

— Я могу с вами увидеться, господин эксперт?

— Можете, — ответил Дронго. — Скажите, где мы встретимся?

— Давайте в отеле «Мэрриот». Выпьем чаю и поговорим. Вы сможете приехать туда через час? Если хотите, я могу послать за вами машину.

— Не нужно. Я приеду.

— Большое спасибо, — вежливо поблагодарил Мурадбеков.

Необязательно было даже проводить столько расследований или быть особо проницательным экспертом, чтобы прочувствовать боль в голосе отца, потерявшего свою дочь. Неужели действительно кто-то мог столкнуть молодую женщину

со скалы? Но для чего? Ограбление? Какое ограбление в горах и тем более в районе, где все друг друга знают? Месть? Кому могла так насолить эта молодая женщина, чтобы ее убили? Или кто-то из родных ее толкнул со скалы? Нет, времена кровной вражды давно прошли. Может быть, она оказалась ненужным свидетелем какого-то события? Тоже не очень похоже, какие особенные события могли быть там, в горах? Кто-то забрался туда, чтобы провести секретные переговоры? Бред какой-то. Может, причины в личных отношениях, например ревность мужа? Нужно будет узнать больше об их взаимоотношениях. Какая причина, если ее действительно толкнули? И кто мог это видеть, если до сих пор свидетеля не нашли?

Дронго оделся и вышел из дома, чтобы пройти пешком до отеля. Еще сорок с лишним лет назад по градостроительному плану города было решено возвести две большие гостиницы, которые должны были придать центральной площади города законченную симметрию в виде буквы «П», обращенной к морю. И тогда здесь были возведены две многоэтажные гостиницы. С левой стороны площади здание отеля «Новый Интурист», а с правой — отеля «Апшерон». После обретения независимости с центральной площади исчезла массивная фигура Ленина, оба здания старых гостиниц были снесены, и на

их месте появились новые отели — «Хилтон» и «Мэрриот Апшерон», органично вписавшиеся на место старых зданий.

Дронго прошагал по бульвару около двух километров и подошел к «Мэрриоту». Мурадбеков его уже ждал. Это был пожилой грузный мужчина лет семидесяти, с абсолютно седой головой и глубокими морщинами, прорезавшими его лицо. Он был одет в строгий темный костюм и белую рубашку с темным галстуком. В руках у него была тяжелая трость. Он ощутимо хромал при ходьбе. Рядом с ним стоял молодой человек лет тридцати пяти, похожий на отца, только с темными волосами. У него тоже, как и у отца, была крупная голова, уже начинавшие куститься брови и светлые глаза.

— Это мой сын, — указал на молодого человека Бахрам.

— Мовсум, — представился тот, чуть поклонившись.

Дронго пожал руку отцу, затем его сыну, и они прошли в кафе, где уселись за столик.

— Может быть, хотите позавтракать? — спросил старший Мурадбеков.

— Спасибо. Я уже завтракал. Давайте сразу к делу.

— Три чая, — попросил официанта Бахрам.

Чай подавали с вареньем, колотым сахаром и тонко нарезанными ломтиками лимона.

По традиции, хозяин встречи деликатно уточнил, будет ли пить чай с лимоном гость и, когда тот ответил утвердительно, ложечкой осторожно положил дольку лимона в стакан Дронго. После чего положил лимон и в свой стакан. Своему сыну он тоже положил в стакан дольку лимона, уже не спрашивая на то его согласия.

— Вы знаете, что именно у нас произошло, — начал Бахрам. — Погибла моя младшая дочь. У меня четверо детей. И все гораздо старше Самире. Были старше... — поправился он. — Самира была самой младшей, которую мы в семье очень любили; извините за то, что я иногда говорю немного сумбурно. И все так страшно произошло...

— Она сорвалась со скалы, — уточнил Дронго.

— Так нам сказали. Но она бывала там много раз. И никогда не падала. Мы не понимаем, как это могло произойти. Ведь Самира с мужем занималась альпинизмом, они ездили в Швейцарию на отдых, на наш Шагдаг, там спускались с гор на лыжах. Она была хорошо подготовлена и не могла просто так свалиться со скалы. В нашей семье никто особо не верит, что она сама упала. Может, просто не хочет верить. Но следователь полиции уверяет меня, что она сама упала и разбилась.

— Вы кого-то подозреваете конкретно?

— Нет. Если бы подозревал, то обязательно бы сам и проверил, виноват ли он в смерти Самiry. Но мне некого подозревать. Я вижу, как переживает Этибар. Это ее муж. Он места себя не находит от горя.

— Может, у нее были какие-то знакомые, друзья?

— О чем вы говорите? Какие друзья могут быть у замужней женщины? — сразу встрепетнулся Мурадбеков.

«Вот он, местный менталитет», — подумал Дронго, но вслух произнес совсем другую фразу:

— Я не имел в виду только мужчин. Иногда подозреваемой может быть и женщина.

— Которая столкнула мою дочь со скалы? — недоверчиво спросил Бахрам, переглянувшись с сыном. — Мы об этом даже не думали.

— Но вы не верите в ее случайное падение? — еще раз уточнил Дронго.

— Не верим, — мрачно подтвердил Бахрам. — И недавно мы узнали, что в Габале ходят слухи якобы о том, что одну женщину столкнули со скалы. Говорили, что есть какой-то человек, который видел, кто и как столкнул Самiry. Я звонил нашим родственникам, но о нем никто ничего не узнал. Мовсум даже ездил туда, чтобы расспросить людей и найти возможного свидетеля. Но так его и не нашел.

— Где вы работаете, Мовсум? — уточнил Дронго у молодого Мурадбекова.

— В налоговом управлении, — ответил молодой человек. — Я взял отпуск и целую неделю провел в Габале. Но не нашел этого свидетеля, который мог видеть возможное преступление. Но люди говорили, что кто-то и где-то видел. Хотя ничего конкретного сказать не смогли.

— Вы сами откуда родом? — уточнил Дронго.

— Из Нахичевани, — ответил за сына Бахрам. — А моя жена из Ордубада.

Дронго сумел сдержать улыбку. В Нахичеванской республике даже сами граждане автономии особо выделяли жителей Ордубада, которые считались своеобразной местной элитой. И поэтому Бахрам особо подчеркивал, откуда родом его супруга. Мовсум взглянул на отца, молча спрашивая разрешения задать вопрос. Отец кивнул в знак согласия.

— Разве это имеет какое-нибудь отношение к вашим поискам? — уточнил Мовсум.

— Имеет, — ответил Дронго. — Вы родом не из Габалы, и поэтому вам сложно было разговаривать с местными людьми. И со старейшинами.

Бахрам еще раз переглянулся с сыном, понимая, что эксперт прав. Последняя фраза убедила его больше любых восторженных слов его знакомых в профессионализме гостя.

— Я думаю, вы правы, — кивнул Мурадбеков. — И я хочу вам сказать, что мы не остановимся ни перед какими расходами, чтобы выявить истину. Вы меня понимаете?

— Полагаю, что да. Но мне нужно будет и согласие супруга Самиры на подобные поиски. И нужна помощь его семьи. Ведь она живет там.

— Я уверен, что Этибар не будет возражать, — выдохнул Бахрам. — Я с ним уже говорил на эту тему. И еще раз поговорю. И Микаил-муэллим тоже. Вы знаете, как принято в наших семьях. Если мы отдали девочку в их семью, то они отвечают за нее. И, конечно, им тоже больно и страшно за все, что случилось с невесткой.

— Можно узнать об их отношениях? Об отношениях вашей дочери с мужем. Они ведь были женаты уже несколько лет?

— Семь лет и шесть месяцев, — сообщил Мурадбеков. — Мы тогда сыграли пышную свадьбу. Пригласили весь город. Было восемьсот гостей. Ведь соединились две такие известные семьи. Самира познакомилась с Этибаром, еще когда она оканчивала университет. Точнее, мы дали согласие на это знакомство и их встречи. Сначала мы договорились, что дети познакомятся. Ведь я бы не разрешил им просто так встречаться. Но мы современные люди. Пусть молодые познакомятся и сами решают, стоит ли им вместе жить.

Я доверял своим детям, они ничего плохого не сделают, особенно мои девочки. Ну а потом Хаквердиевы пришли к нам просить ее руки. Они хорошо жили с мужем. Плохо, что у них не было детей, но Самира лечилась, и врачи обещали, что она обязательно родит. Тем более что с наследственностью у нас в семье вроде все в порядке. Две мои старшие дочери уже имеют детей. У одной два сына, а у другой две дочери. И еще растет сын Мовсума, которого назвали в мою честь Бахрамом. Но мы все ждали, когда Самире удастся родить.

— Они жили в Баку отдельно?

— Конечно. В своей квартире. В Новом доме рядом с цирком. Отец Этибара купил им там четырехкомнатную квартиру. Этибар его единственный сын, и он все делал для него. Мы не можем пожаловаться на их семью. Самире хорошо встретили в семье Хаквердиевых, — подтвердил Бахрам. — У них все было в порядке.

— Я постараюсь поехать в Габалу как можно быстрее, — сообщил Дронго.

— Хорошо. И Мовсум может поехать с вами. Он возьмет отпуск еще раз и будет вам помогать. Вы можете не останавливаться перед любыми расходами. Мы не самые бедные люди в нашей стране. И насчет вашего гонорара. Назовите цифру, и я готов вам его выплатить прямо сейчас. Без аванса.

— Сначала я должен буду поговорить с супругом вашей дочери. И с его семьей. И желательно с теми, кто работал с вашей дочерью в институте. А уже потом назову вам сумму гонорара и решу, когда именно мы поедем в Габалу. Мне нужно хотя бы два дня на ознакомление с ситуацией.

— Я думал, мы поедем в Габалу прямо сегодня, — не выдержав, вмешался Мовсум и опустил голову, увидев укоризненный взгляд отца. Согласно этикету, он не имел права вступать в разговор без разрешения старшего. И тем более перебивать гостя.

— Мне нужно сначала переговорить кое с кем и уточнить различные моменты здесь, а уже затем отправляться с вами в район, — пояснил Дронго. — Из моего опыта сыщика я знаю, что в любом расследовании очень важно прояснить ситуацию, которая могла иметь место до совершения возможного преступления. Если сделать верный анализ всех событий, предшествующих возможному преступлению, то будет гораздо легче вычислить, что именно произошло с вашей дочерью. Кому она могла помешать или кто мог желать ее смерти. Если это действительно преступление.

— У вас есть сомнения? — спросил нахмурившийся Мурадбеков.

— А у вас их нет? — в свою очередь задал вопрос Дронго.

Наступило тяжелое молчание. Мовсум смотрел на отца.

— Наверное, есть, — наконец мрачно признался Бахрам. — Знаете почему? Я не верю, что она упала сама. Это правда. Но еще больше я не верю, чтобы кто-то хотел ее гибели. Она была таким добрым, светлым и отзывчивым человеком. Никто не смог бы поднять на нее руку. Никто. — Голос у него дрогнул. Ему было больно и обидно.

— Вы говорили с ее мужем на эту тему? — уточнил Дронго.

— Два раза разговаривали. Он тоже в тяжелом состоянии. Я вижу, как он переживает. Этибар ее по-настоящему любил. Ее нельзя было не любить, — добавил Мурадбеков.

— Если вы так убеждены в том, что никто не мог желать вашей дочери смерти, то, возможно, с нею действительно произошел несчастный случай. Иногда со скал падают и очень хорошо подготовленные люди.

— Не знаю, что вам сказать. Может, от горя мы все немного потеряли способность к рациональному мышлению, — признался старый Бахрам. — Мать чуть не сошла с ума от горя. Найдите возможного преступника или убедите нас, что она сорвалась сама и это был несчастный случай. Я выплачу ваш гонорар в любом случае. И если это на самом деле был несчастный случай, то постарайтесь убедить меня и ее мать в том, что

Самира действительно сама упала со скалы. Возможно, так распорядился Аллах, и мы ничего не можем с этим поделать.

— Я вас понимаю, — тихо ответил Дронго. — И я постараюсь сделать все, что смогу.

Бахрам опустил голову. Он молчал еще несколько секунд и, наконец, подняв голову, посмотрел на собеседника.

— Родители не должны хоронить своих детей, — убежденно произнес он. — Вы ведь знаете нашу старую поговорку: «Чтобы тебе упокоиться и быть похороненным на плечах своих детей». Наверное, это самое лучшее пожелание, какое можно сказать любому человеку — достойно умереть, и чтобы тебя в последний путь проводили твои близкие и родные. Я был уверен, что гроб с моим телом понесут мой сын и три моих зятя. А получилось...

Дронго молчал.

— Мы попросили разрешения у Хаквердиевых похоронить Самиру у нас в Баку на кладбище. В столице есть место у Волчьих ворот, где мы еще десять лет назад купили большой участок. Там похоронен мой брат Маир Мурадбеков. Вы, наверно, слышали, он был известным министром в нашем правительстве...

Дронго кивнул.

— И еще наша мать. Ей было уже далеко за восемьдесят, и она умерла за год до смерти Ма-

ира. Хорошо, что они не дожили до такой трагедии с Самирой. Сейчас она лежит там рядом со своим дядей и бабушкой. Я завещал похоронить и меня на этом кладбище, рядом с ней.

Кладбище у Волчьих ворот считалось самым престижным в городе. Кроме Пантеона, где были похоронены самые выдающиеся граждане Азербайджана, существовало еще второе почетное кладбище, где хоронили известных людей. А место, о котором говорил Бахрам Мурадбеков, считалось самым престижным и находилось сразу за вторым почетным кладбищем. Участки в этом месте иногда стоили как отдельная квартира. Некоторые нувориши даже покупали большие участки заранее. Были и другие, кто умудрялся даже при жизни ставить памятники самим себе и своим близким, чтобы заранее обеспечить себе не только хорошее место на кладбище, но и установить хорошую скульптуру, что категорически противоречит всем мусульманским канонам, согласно которым на могиле можно устанавливать только камень, который со временем должен уйти в землю и исчезнуть. Но новые времена и новые нравы меняли даже такие традиции. Дронго всегда помнил шутку своего отца о людях, которые так торопятся на кладбище, что заранее ставят себе там памятники и выбирают подходящие участки. Однако Дронго сам похоронил своих родителей на этом же кладби-

ще, купив на нем за солидные деньги участок, хотя все его родные и близкие со стороны матери были похоронены на кладбище в одном из бакинских поселков, называемых Пиршаги, где покоилось около сорока его самых близких родственников. Родственники отца были похоронены в Карабахе, в Агдаме и в Шуше, и он знал, что во время оккупации этих районов соседним государством кладбища были разорены и многие могильные плиты повреждены или уничтожены. И это была боль их семьи, о которой они никому не рассказывали. Дронго помнил, как переживал его отец после падения Агдама, где были похоронены самые близкие родственники, включая деда, которого отец так любил. Всю оставшуюся жизнь Дронго будет чувствовать эту невольную вину перед ушедшим отцом из-за потери могил его близких в той проклятой войне. Всю жизнь, пока Агдам, наконец, не освободят и он сможет посетить разоренное кладбище.

— У вас есть фотография дочери? — спросил Дронго.

— Да. — Голос у его собеседника дрогнул. — Я почему-то взял ее фотографию. Подумал, что вы захотите на нее посмотреть.

Он достал из внутреннего кармана фотографию и протянул Дронго. Красивая молодая женщина в коротком платье обнимала отца за шею. Он вернул ее Бахраму.

— Я попытаюсь раскрыть тайну смерти вашей дочери, — печально произнес Дронго.

— Спасибо, — старик тяжело поднялся со своего места.

Следом поднялись Дронго и Мовсум.

— Не знаю, как вы будете работать или искать возможного убийцу, — сказал на прощание Бахрам. — Не знаю, как вы сможете доказать нам с матерью, что с Самирой, возможно, произошел несчастный случай. Но я знаю, что нашел нужного человека, который сможет нам всем помочь разобраться в этой ситуации. Удачи вам. Мовсум пришлет на ваш телефон все номера наших мобильных.

Он протянул руку. Рукопожатие было крепким. Прихватив трость и опираясь на руку своего сына, старый Мурадбеков, прихрамывая, пошел к выходу. Мовсум кивнул на прощание. Дронго проводил их долгим взглядом.